

Рациональные и символические компоненты обоснования этнополитических конфликтов

Сергей В. Лебедев

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Россия, svlebedev@fa.ru*

Михаил Н. Грачев

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, grachev.m@rggu.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются рационалистский и символический подходы к обоснованию этнополитических конфликтов. Отмечается, что рационалистский подход, интерпретирующий этническое насилие как результат определенных «расчетов», сделанных политическими агентами, распадается на два условных направления. Первое из них основывается на идее «этнической дилеммы безопасности» и предполагает, что подобные конфликты начинаются с превентивного насилия, вызванного неуверенностью одного из политических агентов относительно намерений противостоящей ему стороны. Второе направление делает акцент на так называемых «хищнических элитах», стремящихся использовать этническое насилие как инструмент подъема собственной легитимности в условиях, когда остальные варианты исчерпаны. Подчеркивается, что данные направления не учитывают психосимволическое измерение политики, в частности, не принимая во внимание тот факт, что этническое насилие может не иметь чисто рационального основания и быть продуктом конфликта идентичностей, коллективной памяти и т. п. Напротив, символическая интерпретация, развиваемая политологами-конструктивистами, предлагает для понимания глубинной сути того или иного этнического конфликта анализировать его мифо-символический комплекс, а именно – исследовать эвокативные символы, становящиеся триггерами политического насилия. При этом данный подход не сбрасывает со счетов рационалистские трактовки этнического насилия и в известной степени абсорбирует их. Авторы предпринимают попытку рассмотреть военную кампанию Израиля в секторе Газа, начавшуюся в 2023 г., через призму рационалистского и символического подходов.

Ключевые слова: этнополитический конфликт, этническая дилемма безопасности, модель хищнических элит, психосимволическое измерение политики, символическая интерпретация конфликта, военная операция в секторе Газа

Для цитирования: Лебедев С.В., Грачев М.Н. Рациональные и символические компоненты обоснования этнополитических конфликтов // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 6. С. 171–188. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-6-171-188

Rational and symbolic components of the ethnopolitical conflicts justification

Sergei V. Lebedev

*Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia, slebedev@fa.ru*

Mikhail N. Grachev

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
grachev.m@rggu.ru*

Abstract. This article is devoted to the analysis of the rationalist and symbolic approaches to the ethnopolitical conflicts justification. The authors note that the rationalist approach, which interprets ethnic violence as the result of certain “calculations” made by political agents, splits into two conditional directions. The first direction is based on the idea of an “ethnic security dilemma” and suggests that such conflicts begin with the preventive violence caused by the uncertainty of one of the political agents about the intentions of the opposing side. The second direction is focused on the so-called “predatory elites” who seek to use ethnic violence as a tool to raise their own legitimacy in the conditions when other options have been exhausted. The authors emphasize that these trends do not take into account the psycho-symbolic dimension of politics, in particular, they do not consider the fact that ethnic violence may not have a purely rational basis and be the product of the conflict of identities or collective memory, etc. On the contrary, the symbolic interpretation developed by the constructivist political scientists suggests analyzing its myth-symbol complex in order to understand the deep essence of an ethnic conflict, namely, to explore the evocative symbols that become the triggers of political violence. At the same time, this approach does not discount and, to a certain extent, absorbs the rationalist interpretations of ethnic violence. The authors attempt to examine Israel’s military campaign in the Gaza Strip, which began in 2023, through the prism of the rationalist and symbolic approaches.

Keywords: ethnopolitical conflict, ethnic security dilemma, predatory elite model, psycho-symbolic interpretation of politics, symbolic interpretation of conflict, military operation in the Gaza Strip

For citation: Lebedev, S.V. and Grachev, M.N. (2024), "Rational and symbolic components of the ethnopolitical conflicts justification", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 6, pp. 171–188, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-6-171-188

В настоящее время удельный вес этнической составляющей в политических конфликтах достаточно высок. Согласно обобщенным данным, представленным исследователями из университета Копенгагена, в среднем в мире ежегодно происходит около 20 вооруженных конфликтов, которые рассматриваются политологами в качестве этнических [Ferreira 2021, p. 8], т. е. таких, когда противоборствующие стороны идентифицируют себя и противника на основании принадлежности к той или иной этнической или этнорелигиозной группе. При этом в политической науке преобладает точка зрения, что подобные конфликты характеризуются особо высоким уровнем насилия, хотя некоторые исследователи и пытаются оспорить этот тезис [Kalyvas 2021]. Данные представления предопределили конструирование умозрительной концепции «древней вражды» (ancient hatreds argument) как основания этнополитических конфликтов. Однако с развитием конструктивистского понимания этничности в противовес примордиалистским трактовкам, а также благодаря росту популярности теории рационального выбора проблема этнического насилия приобрела инструментальное и даже экономическое измерение. Полагая, что политики перераспределяют в пользу своих сторонников материальные и иные социальные блага, чтобы заручиться необходимой поддержкой и голосами, американский политолог Дж. Фирон отмечает, что этнические черты облегчают процедуру разграничения между членами «выигрывающей коалиции» и остальными [Fearon 1999]. Иными словами, он предлагает поставить такой мысленный эксперимент: если бы в США голосование за Демократическую партию в случае ее победы означало бы получение экономических благ, то все граждане начали бы автоматически причислять себя к демократам. Однако этнические характеристики подделать сложнее, а это означает, что есть возможность исключить возможных «безбилетников» из членов «выигрывающей коалиции» и не уменьшать долю «казенного пирога» на каждого сторонника. Именно поэтому, считает Фирон, у политиков, практикующих стратегию партикуляризма, всегда будут стимулы политизировать этничность и провоцировать межэтнические конфликты.

Идеи Дж. Фирона являются иллюстрацией того, как современные исследователи часто интерпретируют этничность в качестве

феномена, который во многом является политически-конструируемым и политически-актуализируемым.

В соответствии со сложившимися в политической науке базовыми методологическими принципами на протяжении нескольких десятилетий парадигма рационального выбора была ключевой при объяснении феномена этнических конфликтов. Исследователи стремились максимально «отбросить» культурные и идейные аспекты подобных конфликтов и пытались представить основных участников как рациональных «максимизаторов полезности», не обязательно понимаемой чисто экономической.

В рамках данного подхода можно условно выделить два направления, которые отличаются идентификацией наиболее влиятельного фактора, запускающего этническое насилие. С. Кауфман назвал их школой «дилеммы безопасности» и школой «хищнических элит» (*predatory elites*) [Kaufman 2006].

Первая школа фокусируется на проблеме асимметричности информации о намерениях оппонента, а также отсутствия четкого понимания относительно возможных исходов конфликта, в результате чего принимается решение о нанесении предупредительного удара. Вторая школа рассматривает этническое насилие как частный случай «игры со ставкой на возрождение» (*gamble for resurrection*), т. е. попытки элиты, теряющей популярность, повысить свою легитимность за счет инициации конфликта против «других». При этом социальная группа, на которую опираются данные политики, увеличивает свою поддержку элите, даже если допускает, что именно элита в большей степени ответственна за эскалацию.

В рамках первой школы, делающей упор на асимметричность информации, используется классическая для теории международных отношений концепция «дилеммы безопасности» (*security dilemma*), согласно которой каждая из сторон не уверена относительно намерений контрагента и предпочитает делать ставку на наращивание военного потенциала как способа минимизации потерь. Однако это не проходит незамеченным другой стороной, которая также предпринимает ответные действия, что в итоге приводит к закручиванию спирали эскалации и иллюстрирует, в частности, гонку вооружений между сверхдержавами во время холодной войны.

Одним из первых исследователей, кто попытался применить эту концепцию к межэтническим конфликтам, был Б. Позен, который отмечал, что в этническом смысле дилемма безопасности возникает в ситуации ослабления государства [Posen 1993]. Если в международных отношениях эта дилемма вытекает из их анархичности и неопределенности (с точки зрения реализма), то межэтнические противоречия по общему правилу «сглаживаются»

авторитетом центральной власти. Впоследствии список условий, актуализирующих дилемму безопасности применительно к межэтническим отношениям, был значительно расширен: помимо слабости или отсутствия центральной власти стали приниматься во внимание атмосфера страха и антагонизма, наличие «политического пространства» для конфликта, экономические проблемы и т. п. [Bakalova 2013, p. 113].

В современной политической науке достаточно прочно обосновался концепт «этнической дилеммы безопасности» (*ethnic security dilemma*, ESD). Исследователи, разрабатывающие данное направление, в частности, показали, что важнейшими факторами этнического насилия являются неверная оценка перспектив исхода конфликта (инициатор обычно излишне оптимистичен) и отсутствие убедительного обязательства (*credible commitment*), когда лидеры этнических групп не могут представить взаимные достоверные доказательства, свидетельствующие об отсутствии скрытых агрессивных намерений. В этой ситуации, опасаясь того, что «другая сторона» сама тайно готовится к конфликту, лидер этнической группы решает нанести превентивный удар. Он, как пишет Р. Хардин, думает следующим образом: «Я могу улучшить свои перспективы пережить конфликт, если превентивно подавлю тех, с кем конфликтую» [Hardin 1995, p. 143]. Упреждающий удар становится триггером этнической войны.

В рамках второй школы упор делается на политический оппортунизм элит, которые рассматривают этническую войну как способ повысить свою легитимность и остаться у власти. В этом ключе особенно примечательна совместная работа Р. де Фигуредо и Б. Вайнгаста, в которой развивается идея, что этнический конфликт является нежелательной для всех, но при этом рациональной опцией [Figueiredo de, Weingast 1999]. У элит нет доступа к другим инструментам повышения легитимности, нет возможности перераспределить ресурсы в пользу сторонников и т. п., и при условии, что сохранение власти и политического капитала является для них приоритетом, они делают выбор в пользу этнического насилия. При этом их последователи не приветствуют начало этнической войны, но рационально начинают поддерживать свои элиты, считая «других» истинными виновниками эскалации напряженности и воспринимая своих лидеров в качестве защитников.

Таким образом, политологи интерпретируют этнические конфликты через призму теории рационального выбора, во многом также опираясь на концепты из школы реализма в международных отношениях. Тем не менее в последние годы в отечественной и зарубежной политической науке появляются работы, утверждающие

определенную субъективность политической реальности, – в том смысле, что политические процессы и институты зависят от коллективной психики, во многом иррациональной. Однако если воспользоваться языком поведенческой экономики, речь идет о «предсказуемой иррациональности»: исследования в области когнитивной и социальной психологии, идентификация наиболее типичных когнитивных искажений (*cognitive biases*) и эвристик позволяют с определенной долей уверенности прогнозировать иррациональное поведение. Следует отметить, что иррациональным оно является исключительно с точки зрения стороннего наблюдателя, который оценивает решения, принятые политическим агентом, исходя из собственных представлений, однако этот вопрос является в большей степени философско-методологическим и лежит за пределами данного исследования.

Тренд на изучение субъективно-психологического фактора в международных отношениях получил выражение в появлении нового теоретического направления – конструктивизма, авторы которого были охарактеризованы как «принятые мейнстримом революционеры» [Казанцев 2009, с. 105]. Конструктивизм привнес интерес к идентичностям и социально-ментальным конструктам как к факторам, которые активно влияют на политику. В данном контексте на стыке конфликтологии, теории международных отношений и психологии стал развиваться символический подход к этнополитическим конфликтам.

Наиболее обобщенную и последовательную теоретическую конструкцию данного плана разработал С. Кауфман, пытавшийся совместить ее с предпосылками об ограниченной рациональности политических субъектов [Kaufman 2001]. В своей теории он использовал предложенное Э. Смитом понятие «мифо-символического комплекса» [Smith 1999] как некоего краеугольного камня этнического сознания, повествующего о происхождении той или иной этнической группы, ее отличительных чертах, достижениях и главных антагонистах (к примеру, о других этнических группах). С точки зрения данного подхода конфликтность мифо-символического комплекса является достоверным предиктором возможности этнического насилия. Иными словами, если одна этническая группа строит свою идентичность вокруг исторического конфликта с другой, то возникают основания предполагать, что рано или поздно такая интерпретация приведет к реальному вооруженному противостоянию. При этом важно понимать, что, с одной стороны, подобные мифы являются привлекательным инструментом для политиков, тогда как с другой – накладывают на государственных и общественных деятелей определенные ограничения. В качестве

иллюстрации действия подобных ограничений можно привести убийство израильского премьер-министра И. Рабина в 1995 г., осуществленное ультраправым религиозным радикалом, который считал, что предпринятая главой правительства попытка урегулировать давний ближневосточный конфликт путем подписания в Осло соглашений с Организацией освобождения Палестины является предательством интересов Израиля.

Это, однако, не означает, что конфликтный мифо-символический комплекс не может эволюционировать или сознательно модифицироваться в ходе скоординированных политических усилий. А. Аккерман приводит достаточно успешный опыт подобной модификации в послевоенной Европе: если раньше Франция и Германия позиционировали друг друга в качестве исторически враждебных государств даже на страницах школьных учебников, то после 1945 г. ситуация стала постепенно меняться [Ackermann 1994].

Символическая теория не отбрасывает полностью концепцию рационального выбора, однако исходит из того, что рассуждения о политике всегда бывают эмоционально окрашены, поэтому рациональное понимание политическими агентами своих интересов всегда переплетается с эмоциональным отношением к той или иной ситуации. Следует отметить, что эта идея во многом отражает принятые в современной когнитивной психологии и поведенческой экономике представления об «ограниченно-рациональных индивидах», которые чаще пользуются «когнитивным автопилотом», то есть принимают решения на основании эмоций, стереотипов и стимулов, нежели на основании всестороннего анализа проблемы [Maital 2004]. Исследователи, работающие в русле данного подхода, развивают концепцию «эвокативных символов» (evocative symbols) как триггеров этнического насилия [Ross 2001]. Такие символы выражают политические интересы этнической группы, которые в определенном смысле являются рациональными, но репрезентуют их через аффективные образы и метафоры и задают манихейскую «черно-белую» картину мира. К примеру, если рассматривать палестино-израильский конфликт в исторической ретроспективе, то события 1947–1949 гг. (основание Израиля и первая война) воспринимаются палестинцами как «накба» (в переводе с арабского – катастрофа, потрясение, катаклизм), и сам этот термин заряжен сильнейшими эмоциями для арабов [Bar-Tal 2007]. В коллективной памяти израильтян эти события, напротив, символизируют национальное возрождение, воссоздание этнического государства и несут яркий позитивный заряд. Использование эвокативных символов в политических коммуникациях сопутствует этническим конфликтам.

По мнению политологов, разрабатывающих данное направление, важным драйвером возникающих конфликтов является борьба за «ценность группы» в условной иерархии этнических групп [Horowitz 1985, p. 143], причем эта воображаемая иерархия обычно конструируется относительно какой-то одной или нескольких групп, нежели представляет собой реальный ранжированный список. Иными словами, это скорее звучит как «Мы лучше, чем Они», нежели «Мы занимаем *N*-е место в списке наиболее престижных этнических групп».

Следует отметить, что враждебные символы и мифы выступают необходимым, но не достаточным условием начала конфликта: каждая этническая группа обычно имеет в коллективной психике негативный и даже враждебный образ «иного», однако далеко не всегда это приводит к масштабным противостояниям. Наличие серьезных опасений этнической группы за свою безопасность также не является достаточным условием разворачивания конфликта, хотя и вносит в него значительный вклад.

В некотором смысле данная ситуация напоминает этологический и психологический феномен «борьбы или бегства» (*fight or flight*), но только на уровне этнической общности. Сознвая очевидную условность приведенного сравнения, следует отметить, что этническая группа выбирает стратегию борьбы при наличии возможности относительно эффективно бороться, как бы тавтологично это ни звучало. Возможности для организации этнического насилия имеют спатальное и ресурсное измерение, иными словами, необходимо наличие территориальной базы и эффективных инструментов его осуществления [Toft 2003].

Территориальная база обычно подразумевает существование региона компактного проживания этнической группы, однако в теории речь может также идти и о территории соседнего государства, которое заинтересовано в обострении межэтнических противоречий. Как подчеркивают российские исследователи И.С. Семененко, В.В. Лапкин и В.И. Пантин, «политизация этнонациональных противоречий становится сегодня эффективным средством продвижения интересов крупных игроков глобальной политики» [Семененко, Лапкин, Пантин 2016, с. 79].

Эффективность инструментов этнического насилия имеет многогранную природу: речь может идти как о наличии этнических военизированных организаций, действующих в условиях ослабления центральной власти, так и о подчинении государственного аппарата конкретной этнической группе и организации насилия над «другими» в альянсе с государственными органами, как это было в многократных случаях этнических чисток на протяжении

XX и XXI вв. В частности, в 1995 г. хорватская армия в ходе операции «Бура» фактически ликвидировала республику Сербская Краина, что сопровождалось массовым насилием против сербов.

Символический подход позволяет дать конструктивистскую интерпретацию этнической дилемме безопасности, не лишая ее полностью рационалистического содержания, но при этом подчеркивая ее субъективную трактовку лицами, принимающими решения. Два рассмотренных в рамках рационального выбора подхода к этническому насилию утверждают, что краеугольным камнем конфликта являются или опасения за безопасность в условиях дефицита информации, или «хищнические» планы элит, пытающихся повысить свою легитимность. Символический подход позволяет утверждать, что безопасность и борьба за власть являются взаимосвязанными явлениями: рассуждая о безопасности, лидеры определяют ее как подчинение, ослабление или уничтожение другой этнической группы, сплавливая тем самым безопасность и власть в единое символическое целое.

Кейс-стади: военная операция Израиля в секторе Газа (2023–2024)

Для тестирования рационалисткой и символической моделей этнополитического конфликта авторы данной работы выбрали текущий (на момент лета 2024 г.) конфликт в секторе Газа и приняли попытку определить, что движет кабинетом израильского премьер-министра Б. Нетаньяху. Данный конфликт имеет ярко выраженную этническую и религиозную окраску, выступая в первую очередь столкновением светского и религиозного еврейского общества с преимущественно религиозным арабским обществом.

Этническая дилемма безопасности. В ходе исследования были обнаружены возможности рационалисткой интерпретации военной операции Израиля через парадигму этнической дилеммы безопасности. Как нами уже отмечалось, ключевыми моментами в данной дилемме становятся недоверие и информационная асимметрия: каждая сторона подозревает другую в тайных замыслах и стремлении нанести внезапный удар. Как показывают исследования Палестинского центра политических и социологических исследований, стратегическое недоверие присутствует с израильской стороны не меньше, чем с арабской: 79% израильтян полагают, что «другая сторона», то есть жители Палестины, не заслуживают доверия. Более того, две трети израильских евреев и 38% жителей Израиля с арабскими корнями убеждены, что именно руководство Палестины

несет ответственность за недоверие между сторонами конфликта¹. Справедливости ради необходимо отметить, что палестинцы также убеждены, что Израилю нельзя доверять, и большинство из них считает, что именно руководство Израиля перечеркнуло попытки построить доверительные отношения между сторонами.

Взвешенный подход к разрешению конфликта, разделяемый, в частности, наследным принцем Саудовской Аравии Мухаммедом ибн Салманом, заключается в том, что «для прочной стабильности в регионе необходимо достижение конкретного мирного соглашения с учетом прав как израильтян, так и палестинцев» [Рыжов, Комаха, Бородина 2023, с. 397]. Однако взаимное недоверие, сочетающееся с десятилетиями спорадического насилия, становится идеальной средой для формирования этнической дилеммы безопасности и создает стимулы для превентивного насилия для каждой из сторон.

Модель хищнических элит. Однако в ходе исследования были также обнаружены указания на роль «хищнических элит» в текущем конфликте. Кабинет премьера Б. Нетаньяху столкнулся с кризисом легитимности и массовыми протестами, вызванными крайне непопулярной реформой судебной системы, которую израильское общество восприняло как покушение на демократический строй. На этом фоне атака ХАМАС в октябре 2023 г. была охарактеризована как «самое катастрофическое событие, произошедшее с Израилем с момента создания <государства>» и это событие «случилось при Нетаньяху»². Подобная атака была бы крайне чувствительной для любого правительства, но для нынешнего премьер-министра она оказалась чувствительной вдвойне, так как он строил свой политический имидж вокруг нарратива о безопасности и даже получил среди политических обозревателей неформальное прозвище «Мистер Безопасность» (Mr. Security) [Rosenberg 2023]. Следует добавить также, что политическая карьера Нетаньяху получила очень мощный толчок в 1996 г. на волне массовых актов насилия против израильтян: достаточно жесткая «ястребиная» позиция относительно Палестины позволила ему обойти на выборах политического тяжеловеса Ш. Переса, вы-

¹ The Palestine/Israel pulse, a joint poll summary report // Palestinian Center for Policy and Survey Research (PSR). <2020. Oct. 26>. URL: <https://pcpsr.org/en/node/823> (дата обращения 28 августа 2024).

² Kampeas R. Netanyahu is unpopular at home. But not for the reasons US lawmakers are turning on him // The Times of Israel. 2024. March 22. URL: <https://www.timesofisrael.com/netanyahu-is-unpopular-at-home-but-not-for-the-reasons-us-lawmakers-are-turning-on-him/> (дата обращения 28 августа 2024).

ступавшего за использование дипломатического ресурса. С этой точкой зрения согласна И.Д. Звягельская, которая отмечает, что «и Бен-Гурион, и Нетаньяху постоянно не просто акцентировали проблему безопасности, но и рассматривали снижение угрозы главным образом за счет силовых действий» [Звягельская 2019, с. 97].

Именно поэтому атака ХАМАС 7 октября 2023 г. оказалась крупнейшим вызовом Нетаньяху. В сочетании с кризисом легитимности, обусловленным реформой судебной системы, это создало стимулы для использования в качестве политической стратегии «ставки на возрождение» – комплекса силовых мер для радикального решения палестинского вопроса и, как следствие, подъема популярности Нетаньяху в израильском обществе. Свои намерения премьер-министр очень четко обозначил в обращении 9 октября: «Картины опустошения и разрушений в опорных пунктах “Хамаса” – это только начало... Я сказал, что каждое место, где находится “Хамас”, превратится в разрушенные города, в будущем этого будет еще больше»³.

Следует отметить, что, конечно же, Нетаньяху действует «реактивно» и в большей степени отвечает на действия ХАМАС, поэтому в полной мере говорить о подтверждении модели «хищнических элит» представляется проблематичным. С другой стороны, масштаб военного ответа Израиля и риторика премьер-министра позволяют говорить о том, что он использует ситуацию для реализации политической стратегии «ставки на возрождение». При этом предварительные данные указывают, что парадоксальным образом израильское общество, поддерживая политику Нетаньяху в отношении Палестины, продолжает желать его ухода. Обозреватель “The Times of Israel” Р. Кампеас приводит мнение социолога Д. Шейдлин: «Вокруг [государственного] флага собираются люди, поддерживающие военные действия, но испытывающие глубокое негодование по отношению к правительству»⁴. Это противоречие заслуживает отдельного исследования, однако в качестве гипотезы можно предположить, что речь идет о достаточно высоком уровне критического мышления, обусловленного значительной степенью образованности израильского общества: страна делит с США 6–7-е места в мире по

³ *Беленькая М.* Нетаньяху пообещал превратить города «Хамаса» в руины // Коммерсантъ. 2023. 9 окт. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6266550> (дата обращения 28 августа 2024).

⁴ *Kampeas R.* Netanyahu is unpopular at home. But not for the reasons US lawmakers are turning on him // The Times of Israel. 2024. March 22. URL: <https://www.timesofisrael.com/netanyahu-is-unpopular-at-home-but-not-for-the-reasons-us-lawmakers-are-turning-on-him/> (дата обращения 28 августа 2024).

уровню распространения высшего образования (на первом месте – Канада, Россия – на втором)⁵.

Символическая интерпретация конфликта. Интенсивность военной кампании, проводимой Израилем в секторе Газа, указывает на наличие «застарелой ненависти», которая становится благодатной почвой для широкомасштабного насилия. Многочисленные сообщения в СМИ достаточно красноречиво указывают на то, что израильская армия крайне жестоко обращается с местным населением, и это дало основание ряду наблюдателей даже говорить о совершении в ходе данной кампании военных преступлений. Подробный анализ боевых действий не является задачей данного исследования, однако сам факт концентрированной жестокости указывает на то, что ситуацию необходимо анализировать не только с позиции рациональных моделей.

Мифо-символический комплекс современного государства Израиль сформировался на базе коллективной памяти о многовековом преследовании евреев, кульминацией которого стал Холокост. Именно поэтому политический сионизм связывается в первую очередь с идеей создания мощного государства, которое сможет защитить своих граждан с помощью армии и спецслужб от подобных преследований в будущем. В качестве решения данной задачи делается акцент на необходимости нанесения решительных превентивных ударов по вероятному противнику, что имманентно прослеживается в израильской военной мысли. Исследователи из американской компании Rand Corporation* отмечают: «Стратегическая доктрина Израиля демонстрирует явное предпочтение упреждающим ударам. В дополнение к сдерживанию врагов Израиля и достижению решающих побед нанесение первого удара также помогает обойти ограничения, в рамках которых Израиль вынужден действовать» [Mueller et al. 2006, p. 190]. При этом все же следует отметить, что некоторые авторы объясняют идею превентивных ударов не столько исторической памятью, сколько особенностями ближневосточного геостратегического ландшафта⁶.

⁵ 10 most educated countries // Data pandas. Most educated countries. URL: <https://www.datapandas.org/ranking/most-educated-countries#top> (дата обращения 28 августа 2024).

* Организация, объявленная Министерством юстиции Российской Федерации нежелательной на территории России.

⁶ *Avi-Hai A.* Preemption has always been part of Israel's military doctrine // The Jerusalem Post. 2019. December 28. URL: <https://www.jpost.com/opinion/preemption-has-always-been-part-of-israels-military-doctrine-612377> (дата обращения 28 августа 2024).

Говоря об эвокативных символах, в первую очередь следует отметить концепт «Великого Израиля», почти официально закреплённый в документах действующего правительства, которые утверждают, что «еврейский народ имеет исключительное и неотъемлемое право на все части Земли Израилевой... включающие библейские части Западного берега – Иудею и Самарию» [Карасова 2023, с. 82]. В качестве других эвокативных символов, оказывающих воздействие на израильскую политику, можно назвать идею «Земли обетованной», образ Иерусалима, коллективную память о военных победах, включая Шестидневную войну, а также представления об Израиле как о национальном доме для еврейского народа.

Относительно ресурсной базы необходимо подчеркнуть, что Израиль обладает масштабными политическими ресурсами, включая натренированную армию, разветвленную сеть спецслужб, современное вооружение, а также пользуется поддержкой со стороны США. И, разумеется, Израиль обладает территориальной базой для ведения военной кампании в секторе Газа.

Символический подход позволяет несколько иначе интерпретировать и этническую дилемму безопасности, связав ее с властными амбициями Б. Нетаньяху. Он строил свою политическую карьеру как государственный деятель, ставящий цель обеспечить безопасность Израиля любыми методами. Следует также добавить, что действующий премьер-министр является представителем поколения, родившегося сразу после Холокоста, и в молодости неоднократно принимал участие в военных кампаниях Израиля, причем, судя по официальной информации, участвовал в атаках специальных сил в глубь территории противника.

Именно поэтому атака ХАМАС 7 октября 2023 г. стала, по сути, вызовом символическим основаниям власти Нетаньяху, подрывав его легитимационный нарратив. Поэтому можно предположить, что в военной кампании в секторе Газа присутствует и мотив личной мести со стороны израильского премьера – он делает ставку на полное уничтожение всех палестинских военизированных организаций с целью восстановления своей легитимности и сохранения целостности нарратива. При этом не исключено, что он осознает, что после окончания военной кампании ему все же придется покинуть свой пост, поэтому для него речь уже идет не столько о сохранении контроля над страной, сколько о собственном образе в истории. И именно это предопределяет крайнюю жесткость мер, на которые идет армия Израиля в текущем конфликте.

Заключение

На материалах палестино-израильского вооруженного противостояния в секторе Газа авторами настоящей работы протестированы рационалистские и символические модели обоснования этнополитических конфликтов. В ходе исследования было установлено, что между жителями Израиля и Палестины существует высокий уровень взаимного недоверия, который создает благоприятную почву для актуализации этнической дилеммы безопасности, продуцирующей, в свою очередь, стремление наносить превентивные удары. Кроме того, обращает на себя внимание тот факт, что власти Израиля столкнулись с кризисом легитимности, вызванным крайне непопулярной среди граждан реформой судебной системы, из которого потенциально можно было бы выйти за счет стратегии «ставки на возрождение», что говорит в пользу модели «хищнических элит». Однако с учетом того обстоятельства, что текущая фаза конфликта была инициирована не властями Израиля, говорить о подтверждении в полной мере данной модели не приходится.

Вместе с тем интенсивность конфликта на его нынешней стадии позволяет говорить о присутствии в данном конфликте символического компонента, который со стороны Израиля выражается в наборе эвкативных символов, включающем в себя напоминания об опыте векового притеснения, концепцию «Великого Израиля», образ Земли обетованной и коллективную память о прежних военных победах. На основе данного компонента формируются представления о необходимости нанесения сокрушительных и жестоких ударов по противнику.

Литература

- Звягельская 2019 – *Звягельская И.Д.* Политические долгожители: Незаменяемость или отсутствие альтернативы? Давид Бен-Гурион и Биньямин Нетаньяху // Свободная мысль. 2019. № 4 (1676). С. 89–101.
- Казанцев 2009 – *Казанцев А.А.* «Конструктивистская революция», или о роли культурно-цивилизационных факторов в современной теории международных отношений // Политическая наука. 2009. № 4. С. 88–114.
- Карасова 2023 – *Карасова Т.А.* Израиль после выборов. Перспективы развития государственной политики // Свободная мысль. 2023. № 4 (1700). С. 77–88.
- Рыжов, Комаха, Бородин 2023 – *Рыжов И.В., Комаха А.А., Бородин М.Ю.* Саудовская Аравия и Государство Израиль в контексте палестино-израильского противостояния // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2023. № 4. Ч. 3. С. 393–406.

- Семененко, Лапкин, Пантин 2016 – *Семененко И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И.* Типология этнополитической конфликтности: методологические вызовы «большой теории» // Полис. Политические исследования. 2016. № 6. С. 69–94.
- Ackermann 1994 – *Ackermann A.* Reconciliation as a peace-building process in post-war Europe: The Franco-German case // Peace and Change. 1994. Vol. 19. No. 3. P. 229–250.
- Bakalova 2013 – *Bakalova M.* An inquiry into the rationale behind violent ethnic conflicts: A rational choice perspective // Economic Alternatives. 2013. No. 4. P. 103–115.
- Bar-Tal 2007 – *Bar-Tal D.* Sociopsychological foundations of intractable conflicts // American Behavioral Scientist. 2007. Vol. 50. No. 11. P. 1430–1453.
- Fearon 1999 – *Fearon J.D.* Why ethnic politics and “pork” tend to go together // Stanford University. 1999. June 16. URL: <https://web.stanford.edu/group/fearon-research/cgi-bin/wordpress/wp-content/uploads/2013/10/Pork.pdf> (дата обращения 28 августа 2024).
- Ferreira 2021 – *Ferreira I.A.* Ethnic conflict, tensions, and protests: taking stock of available cross-country data // WIDER Technical Note. 2021. № 22. URL: <https://www.wider.unu.edu/sites/default/files/Publications/Technical-note/PDF/tn2021-22-ethnic-conflict-tensions-protests-cross-country-data.pdf> (дата обращения 28 августа 2024).
- Figueiredo de, Weingast 1999 – *Figueiredo R.J.P. de, Weingast B.* The rationality of fear: Political opportunism and ethnic conflict // Civil wars, insecurity, and intervention / ed by B.F. Walter, J. Snyder. N.Y.: Columbia University Press, 1999. P. 261–302.
- Hardin 1995 – *Hardin R.* One for all: The logic of group conflict. Princeton: Princeton University Press, 1995. 288 p.
- Horowitz 1985 – *Horowitz D.L.* Ethnic groups in conflict. Berkeley: University of California Press, 1985. 697 p.
- Kalyvas 2021 – *Kalyvas S.* The dynamics of violence in Civil War: Evaluating the impact of ethnicity on violence // The Harry Frank Guggenheim Foundation. 2021. June 28. URL: https://www.hfg.org/grant_summaries/the-dynamics-of-violence-in-civil-war-evaluating-the-impact-of-ethnicity-on-violence/ (дата обращения 28 августа 2024).
- Kaufman 2001 – *Kaufman S.J.* Modern Hatreds: The symbolic politics of ethnic war. N.Y.: Cornell University Press, 2001. 262 p.
- Kaufman 2006 – *Kaufman S.J.* Symbolic politics or rational choice? Testing theories of extreme ethnic violence // International Security. 2006. Vol. 30. No. 4. P. 45–86.
- Maital 2004 – *Maital S.* Daniel Kahneman: on redefining rationality // The Journal of Socio-Economics. 2004. Vol. 33. No. 1. P. 1–14.
- Mueller et al. 2006 – *Mueller K.P., Castillo J.J., Morgan F.E., Pegahi N., Rosen B.* Striking first: Preemptive and preventive attack in U.S. National Security Policy. Santa Monica, California: RAND Corporation*, 2006. 344 p.

- Posen 1993 – *Posen B.R.* The security dilemma and ethnic conflict // *Ethnic conflict and international security* / ed. by M.E. Brown. Princeton: Princeton University Press, 1993. P. 103–124.
- Rosenberg 2023 – *Rosenberg D.E.* Netanyahu hasn't just lost his credibility on security // *Foreign Policy Magazine*. 2023. October 17. URL: <https://foreignpolicy.com/2023/10/17/israel-hamas-gaza-benjamin-netanyahu-economy-security-polls/> (дата обращения 28 августа 2024).
- Ross 2001 – *Ross M.H.* Psychocultural interpretations and dramas: Identity dynamics in ethnic conflict // *Political Psychology*. 2001. Vol. 22. No. 1. P. 157–178.
- Smith 1999 – *Smith A.D.* Myths and memories of the nation. N.Y.: Oxford University Press, 1999. 288 p.
- Toft 2003 – *Toft M.D.* The geography of ethnic violence: Identity, interests, and indivisibility of territory. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2003. 226 p.

References

- Ackermann, A. (1994), “Reconciliation as a peace-building process in postwar Europe: the Franco-German case”, *Peace and Change*, vol. 19, no. 3, pp. 229–250.
- Bakalova, M. (2013), “An inquiry into the rationale behind violent ethnic conflicts: a rational choice perspective”, *Economic Alternatives*, no. 4, pp. 103–115.
- Bar-Tal, D. (2007), “Sociopsychological foundations of intractable conflicts”, *American Behavioral Scientist*, vol. 50, no. 11, pp. 1430–1453.
- Fearon, J.D. (1999), *Why ethnic politics and 'pork' tend to go together*, Stanford University, Stanford, Calif., June 16, available at: <https://web.stanford.edu/group/fearon-research/cgi-bin/wordpress/wp-content/uploads/2013/10/Pork.pdf> (Accessed 28 August 2024).
- Ferreira, I.A. (2021), “Ethnic conflict, tensions, and protests: taking stock of available cross-country data”, *WIDER Technical Note*, no. 22, available at: <https://www.wider.unu.edu/sites/default/files/Publications/Technical-note/PDF/t2021-22-ethnic-conflict-tensions-protests-cross-country-data.pdf> (Accessed 28 August 2024).
- Figueiredo, R.J.P., de and Weingast, B. (1999), “The rationality of fear: political opportunism and ethnic conflict”, in: Walter, B.F. and Snyder, J., eds., *Civil Wars, insecurity, and intervention*, New York, Columbia University Press, USA, pp. 261–302.
- Hardin, R. (1995), *One for all: the logic of group conflict*, Princeton University Press, Princeton, NJ, USA.
- Horowitz, D.L. (1985), *Ethnic groups in conflict*, University of California Press, Berkeley, Calif., USA.
- Kalyvas, S. (2021), “The dynamics of violence in Civil War: evaluating the impact of ethnicity on violence”, *The Harry Frank Guggenheim Foundation*, June 28, available at: https://www.hfg.org/grant_summaries/the-dynamics-of-violence-

- in-civil-war-evaluating-the-impact-of-ethnicity-on-violence/ (Accessed 28 August 2024).
- Karasova, T.A. (2023), "Israel after elections. Political development progress", *Svobodnaya mysl'*, vol. 1700, no. 4, pp. 77–88.
- Kaufman, S.J. (2001), *Modern Hatreds: The symbolic politics of ethnic war*, Cornell University Press, New York, USA.
- Kaufman, S.J. (2006), "Symbolic politics or rational choice? Testing theories of extreme ethnic violence", *International Security*, vol. 30, no. 4, pp. 45–86.
- Kazantsev, A.A. (2009), " 'Constructivist revolution', or About the role of cultural and civilizational factors in the modern theory of international relations", *Political science (RU)*, no. 4, pp. 88–114.
- Maital, S. (2004), "Daniel Kahneman: on redefining rationality", *The Journal of Socio-Economics*, vol. 33, no. 1, pp. 1–14.
- Mueller, K.P., Castillo, J.J., Morgan, F.E., Pegahi, N. and Rosen, B. (2006), *Striking first: preemptive and preventive attack in U.S. national security policy*, RAND Corporation •, Santa Monica, Calif., USA.
- Posen, B.R. (1993), "The security dilemma and ethnic conflict", in Brown, M.E., ed., *Ethnic conflict and international security*, Princeton University Press, Princeton, NJ, USA, pp. 103–124.
- Rosenberg, D.E. (2023), "Netanyahu hasn't just lost his credibility on security", *Foreign Policy Magazine*, October 17, available at: <https://foreignpolicy.com/2023/10/17/israel-hamas-gaza-benjamin-netanyahu-economy-security-polls/> (Accessed 28 August 2024).
- Ross, M.H. (2001), "Psychocultural interpretations and dramas: identity dynamics in ethnic conflict", *Political Psychology*, vol. 22, no. 1, pp. 157–178.
- Ryzhov, I.V., Komakha, A.A. and Borodina, M.Yu. (2023), "Saudi Arabia and State Israel in the context of the Palestinian-Israeli confrontation", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 4, part 3, pp. 393–406.
- Semenenko, I.S., Lapkin, V.V. and Pantin, V.I. (2016) "Classifying ethnic conflicts. Challenges for political theory and methodology", *Polis. Political Studies*, no. 6, pp. 69–94.
- Smith, A.D. (1999), *Myths and memories of the nation*, Oxford University Press, New York, USA.
- Toft, M.D. (2003), *The geography of ethnic violence: identity, interests, and indivisibility of Territory*, Princeton University Press, Princeton, NJ., USA.
- Zvyagel'skaya, I.D. (2019), "Political longevity. Indispensability or lack of alternative? David Ben-Gurion and Benjamin Netanyahu", *Svobodnaya mysl'*, vol. 1676, no. 4, pp. 89–101.

Информация об авторах

Сергей В. Лебедев, кандидат политических наук, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия; 125167, Россия, Москва, Ленинградский пр-т, д. 49/2; svlebedev@fa.ru

Михаил Н. Грачев, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; grachev.m@rggu.ru

Information about the authors

Sergei V. Lebedev, Cand. of Sci. (Political Science), Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia; 49/2, Leningradsky Av., Moscow, Russia, 125167; svlebedev@fa.ru

Mikhail N. Grachev, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; grachev.m@rggu.ru